

П. Гилис

ЭКОНОМИКА И АНТИЭКОНОМИКА: ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Введение

XX век обозначен двумя глобальными и системными экспериментами. Первый начался в 1917 г. в России. Его условно можно назвать социалистическим экспериментом, или экспериментом крайнего, радикального холизма. Вторым системным экспериментом конца прошлого века (обычно его начало датируется 1989 г.), который также с определенной долей условности можно характеризовать как глобальный, основан на аксиоматике и предпосылках крайнего индивидуализма. Хотя оба эксперимента начались в Восточной Европе, а их эпицентром была в первом случае царская Россия, а во втором — Советский Союз, они проводились в грандиозном масштабе, их последствия охватили все сферы жизни — от экономики и политики до культуры и моральных устоев — и оказали глобальное системное воздействие на судьбы всего человечества.

Эти эксперименты и их последствия имели как позитивные, так и негативные аспекты, при явном преобладании последних. Они вели к огромным человеческим, социальным, политическим и материальным потерям. В них присутствовали элементы как экономики, так и антиэкономики¹, и, по нашему мнению, антиэкономические явления в виде энтропийных дезорганизующих режимов доминировали над созидательными экономическими процессами. Причиной тому выступали крупные парадигматические изъяны, которые кроются и в марксистском, и в индивидуалистическом мировоззрениях. Парадигматические ошибки марксизма непосредственно не входят в предмет рассмотрения настоящей статьи, они анализировались нами в других работах [2]. Здесь приведено только несколько замечаний по этому поводу.

Марксизм можно представить как одну из школ, одно из направлений холистского мышления, которое отличается тем, что эксплицитно или имплицитно акцентирует значимость, важность целого, его верховенство над частью или элементом этого цело-

---

Повилас ГИЛИС — д-р экон. наук, профессор, член Сейма Литовской Республики. Выпускник экономического факультета Вильнюсского государственного университета. В 1974 г. защитил кандидатскую, в 1990 г. — докторскую диссертации. Работал министром иностранных дел Литовской Республики (1992–1996). Область научных интересов — сравнительная экономика, теория экономических систем, теория трансформации. Автор около 150 научных работ, в том числе 6 коллективных и индивидуальных монографий; e-mail: povilas.gylys@lrs.lt

* Настоящая статья завершает публикацию научных работ, подготовленных на основе докладов авторов на международной конференции «Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы» (Санкт-Петербург, 13–14 октября 2011 г.), посвященной С. И. Тюльпанову.

¹ Понятие экономики отражает движение экономических (частных и публичных) благ в условиях ограниченности ресурсов и рациональное использование этих ресурсов, а понятие антиэкономики — движение экономических (частных и публичных) зол и растрату ограниченных ресурсов. Антиэкономике следует отличать от «теневой» и «скрытой» экономики. «Теневая» экономика — это в широком смысле слова нелегальная экономика, «скрытая» экономика — это та часть экономической действительности, которую из-за ее имплицитности или нелегальности трудно или невозможно регистрировать, декларировать и, соответственно, измерить (см. [1]).

© П. Гилис, 2013

го. В общественной жизни это означает, что холист признает иерархичность структуры социальной действительности, т. е. тот факт, что личность (индивидуум), семья, община (группа), государство образуют иерархию, «лестницу» общественного порядка, в котором высший ярус (ступень) является относительно более важным, чем нижний. При этом с экономической точки зрения общественные, или публичные, интересы (public interests) выступают интересами более высокого порядка, чем частные.

Недостаток марксизма и советской экономической доктрины заключается в том, что в них недооценивалось значение частного интереса в экономике. Это выражалось в идеализации общественной собственности и всеохватывающего планирования и тем самым в ограничении личностных свобод и в отрицании частных экономических инициатив, спонтанности и в конечном счете рынка как уклада, в рамках которого при соответствующих условиях эффективно производятся частные блага — товары (private goods). Это позволяет характеризовать марксизм как форму радикального, крайнего холизма (схожего с холистским мышлением античных мыслителей, например Платона), который через режимы рефлексивности негативно влиял на социальную, политическую, экономическую деятельность, на развитие и функционирование общества, делая общественную систему менее эффективной, гуманной и прогрессивной.

Не только абсолютизация коллективизма и планирования, отрицание рынка и, соответственно, спонтанности, саморегулирования делали советскую доктрину не дееспособной. Отнесение так называемой надстройки, всех видов нематериальной деятельности (политики, права, культуры, науки, просвещения и т. д.) к неэкономической части общества можно охарактеризовать как серьезное парадигматическое заблуждение, публичное зло.

При рассмотрении названных сфер с позиций современного холизма и при использовании понятийного аппарата П. Самуэльсона с точки зрения концепции публичных благ (public goods) раскрывается иная панорама социально-экономической действительности. Если ввести понятие публичных благ как благ общего пользования, то очевидно, что надстройка в современных холистских терминах — это публичный сектор (public sector) экономики, в котором производятся публичные (public goods) или смешанные (публично-частные) блага. Эти публичные блага (например, законы, макроэкономическая политика) являются экономическими благами, ибо они производятся людьми, которые действуют в условиях ограниченности ресурсов и должны соблюдать принцип их экономии. Поэтому они в широком смысле не являются бесплатными благами (free goods), такими как солнечный свет, свежий воздух и т. п.

Парадокс марксизма и советской доктрины состоит в том, что марксисты, с одной стороны, пытались организовать материальное производство на сугубо коллективистских началах, командно-административных принципах, хотя в материальной сфере обычно успешно работают рыночные режимы, движущей силой которых является конкурентное поведение частных субъектов. С другой стороны, не осознавая важности фактора ограниченности ресурсов для экономической теории и практики, исследователи, занимавшие марксистские позиции, исключили из экономики те сферы общественной деятельности, в которых успешно работают режимы солидарности и производятся экономические блага *общего* коллективного пользования — публичные блага. Поэтому для марксизма и советской доктрины характерна не только радикальная, но и существенно искаженная форма холистского мышления. Вместо того, чтобы акцентировать важность солидарности, общего действия в публичной сфере

(то, что марксисты называют внеэкономической надстройкой), они пытались навязать чистую коллективность материальной сфере (или, как она называлась, материальному базису), где обычно «хорошо работают» частные интересы и, соответственно, рыночные модели.

Существует еще один важный недостаток марксистско-советской доктрины — ее революционность и отрицательное отношение к эволюционному, реформистскому подходу к экономическим трансформациям. Однако обычно революции, особенно если они не «бархатные», приводят к огромным потерям ограниченных ресурсов как в публичной, так и в частной областях, к тому, что зачинателей этих революций либо уничтожают, либо нейтрализуют иными способами, к тому, что реальные победители очень часто «забывают» революционные идеалы.

По всем упомянутым, а также иным причинам советский эксперимент можно считать неудавшимся. Отсутствие или, в лучшем случае, недостаток условий, обеспечивающих эффективный процесс создания общественных благ и тем самым удовлетворение публичных потребностей, дефицит реальной демократии, подлинного народовластия, жесткий партийно-бюрократический контроль над всеми сферами общественной жизни, слишком часто приводили к тому, что вместо общественных благ, таких как адекватное законодательство и эффективная экономическая политика, в стране создавалось, «воспроизводилось» огромное количество публичных зол (public bads), которые, в свою очередь, были причиной дезорганизации и потери ресурсов в частной жизни людей. В целом можно говорить об огромных масштабах, которых достигла антиэкономика в Советском Союзе и в так называемом советском лагере в целом.

Надо признать, что элементы, условия воспроизводства и механизмы антиэкономики в большей или меньшей степени существуют везде и всегда. Они проявляются в большом количестве и разнообразии публичных и частных зол, а также в растрате, неэкономном использовании ограниченных ресурсов (в советской экономической доктрине, напомним, отсутствовал постулат ограниченности ресурсов). В советской системе антиэкономика приобрела чрезвычайные масштабы. Это порождало глубокое, почти всеобщее и возрастающее среди населения недовольство общественной системой как неэффективной, недемократичной, не обеспечивавшей должного уровня системного благосостояния в стране, богатой разного рода ресурсами.

Указанное недовольство было главным побудительным мотивом революционных перемен в Советском Союзе и во всем советском пространстве. К сожалению, эта сила оказалась в немалой степени негативной, разрушительной. Люди отрицали советскую систему, знали, что ее надо сменить, но ни в Советском Союзе, ни на Западе не было *адекватной* философии, стратегии и тактики перехода в новое состояние, к новому социально экономическому строю.

Парадигматическая и политическая среда трансформаций в Восточной и Центральной Европе

Некоторые исследователи могут не согласиться с мыслью о том, что как в мировом масштабе, так и на уровне отдельной страны (имеется в виду Советский Союз) отсутствовала стратегия перестройки. В какой-то мере можно признать, что у советских реформаторов (процесс начали реформаторы, а закончили революционеры) были лишь эскизные наброски стратегии трансформации. Но в Москве, Вильнюсе и Вашингтоне

они по некоторым параметрам существенно отличались. В Москве команда М. С. Горбачева, а в Вильнюсе «Саюдис»² были склонны к модели «смешанной экономики», т. е. к экономической системе, в которой сочетались бы рыночные и государственные механизмы регулирования. М. С. Горбачев склонялся к скандинавской модели, а документы первого, настоящего «Саюдиса» были написаны в социал-демократическом духе. И в России, и в Литве господствовало мнение о том, что следует высвободить рыночные силы в промышленности, сельском хозяйстве, однако не говорилось о приватизации медицинских учреждений, школ, университетов и других структурных элементов публичного сектора. Иными словами, эксплицитно или имплицитно предполагалось, что экономический прогресс достижим при условии, что частный интерес будет высвобожден в сферах материального производства и товарных услуг, однако общество сохранит контроль над публичным сектором, что и отвечает дефиниции смешанной экономики [3]. К сожалению, со временем эта продуманная перспектива перемен потеряла свой первоначальный смысл в пользу индивидуалистической философии и рыночного фундаментализма.

С самого начала перемен на советском пространстве существенно иная картина реформирования сложилась на Западе — там господствовал индивидуалистический взгляд на трансформацию в Восточной и Центральной Европе. С одной стороны, так уж совпало, как пишет Дж. Итуэлл [4], что в то время, когда начались трансформации в СССР, на Западе происходила смена экономических парадигм, которая выражалась в отступлении от позиций кейнсианства, социал-демократических ценностей и во все большем влиянии неолиберализма как индивидуалистической экономической доктрины. С другой стороны, вся западная элита (и правая, и левая) страшно боялась реставрации советского строя и по этой, по природе своей политической, причине была за скорые, а значит, революционные преобразования. Эти две причины — влияние западного неолиберального мышления и страх перед угрозой реставрации советской системы и возможным возвратом к противостоянию времен холодной войны существенно повлияли на темп и характер трансформаций в советской экономике.

Здесь мы сознательно не употребляем термин «переход» (transition). По нашему мнению, он обозначает процесс, в котором общество, политические и другие акторы осознают, из какой системы они выходят и какую систему создают, в какую хотят попасть. Мы полагаем, что у политических элит не было ни четкого понимания стартовой позиции трансформации, ни осознания цели, т. е. характера создаваемой социально-экономической системы, которая может рассматриваться как приемлемая. Если отсутствуют тактика и стратегия относительно направлений и характера перемен, то можно говорить лишь о фактическом процессе изменений, о том, что трансформации происходят, но неуместно употреблять термин «переход», ибо он предполагает, что участники процесса четко понимают исходную позицию, а также располагают моделью будущей системы, т. е. знают, откуда и в каком направлении общество движется.

Сразу же необходимо сделать ремарку — здесь в основном имелись в виду экономические трансформации. В политической сфере исходная и желанная позиции были относительно четко видны. Люди хотели избавиться от авторитарного режима и перейти к демократической форме правления государственными делами. Поэтому

---

² «Саюдис» (Sąjūdis—движение (лит.)) — общественно-политическая организация (также «народное движение») Литвы, возглавившая в 1988–1990 гг. процесс выхода Литовской ССР из состава СССР.

с определенными оговорками можно говорить об относительно сознательном, ясном *политическом переходе* от авторитаризма к демократии. Однако и в политических преобразованиях были и есть определенные скрытые, неявные аспекты. Например, может возникнуть обоснованный, логический вопрос: о какой демократии — социальной или либеральной, системной или формальной, фасадной или реальной — говорится, когда формулируются политические цели переходного периода в политике? Поэтому необходимо подчеркнуть, что холистский подход к проблеме политического перехода должен быть основан на системном понимании демократии, не сводимом лишь к формальным ее чертам. Исходя из этих позиций, очевидно, что постсоветским политическим системам далеко до полнокровной демократии. Стопроцентная, абсолютная демократия может быть лишь в теории, в дефиниции этого понятия, а в реальной жизни наряду с демократическими существуют автократические, плутократические, телекратические³, олигархические политические системы. В то же время холистское представление о полной демократии чрезвычайно важно, ибо системное понимание демократии является фундаментальной, существенной предпосылкой реальной и всесторонней демократизации общества.

Возвращаясь к вопросу об идеологическом и политическом контексте экономических трансформаций, можно сделать вывод о том, что внутренняя и внешняя среды трансформационных перемен в начале процесса совпадали только частично. Большинство людей и на Западе, и в советской системе хотели окончания холодной войны, развития демократии, создания более рациональной экономической системы, которая позволила бы использовать преимущества рыночной модели. В то же время в начале процесса трансформации жители советского пространства не думали о приватизации публичной сферы в широком смысле этого слова, которая включает не только школы, больницы, но и инфраструктурные отрасли — сети электроснабжения, железные дороги, сети фиксированной телефонной связи и т. п. Упоминаний о приватизации этих секторов нет ни в программах и документах Литовского «Саюдиса», ни в высказываниях российских реформаторов. Имея большой опыт активного участника перестройки в Литве, можно утверждать, что в начале процесса трансформации наша политическая и интеллектуальная элита, хотя и была охвачена эйфорией перемен, довольно четко осознавала границы и рубежи приватизации при одновременном непонимании сложности этого процесса и недооценке проблемы оптимизации его скорости.

Иное положение было на Западе. Находясь под влиянием индивидуалистического мышления неолиберализма, западные политики — Р. Рейган, М. Тэтчер, Г. Коль и другие, а также представители средств массовой информации, ученые академических институтов ратовали за быструю либерализацию экономической жизни, приватизацию без оговоренных границ. Запад почти сразу занял твердую позицию по поводу характера и скорости трансформаций в Советском Союзе, которая получила метафорическое название «шоковая терапия» [5]. Теперь все чаще эту процедуру называют «шоком без терапии».

Справедливости ради следует отметить, что на Западе существовала небольшая и не пользовавшаяся влиянием группа, состоявшая главным образом из интеллектуалов, которая выступала против шоковой терапии, считая ее идеологической иллюзией.

---

³ Термин «телекратия» часто связывается с именем С. Берлускони, который контролирует несколько телевизионных каналов в Италии.

Они предупреждали, что курс на революционные темпы перемен и на приватизацию без разумных, демократически оговоренных границ чреват серьезными негативными последствиями в виде огромных человеческих, материальных, финансовых потерь. Эти политики и исследователи представляли *градуалистское*, реформистское направление, которое явно или неявно строило свою аргументацию на холистских предпосылках. Однако в шуме революционной, индивидуалистической по своей природе риторики и пропаганды градуалисты (их можно назвать эволюционистами, реформистами) не были услышаны ни на Западе, ни на Востоке.

В то время люди, живущие в Советском Союзе, были склонны идеализировать Запад (тогда для такой идеализации было больше причин, чем сейчас), а новые политики, которые пришли к власти в результате кардинальных перемен, в немалой степени зависели от разных форм поддержки со стороны Запада (прежде всего, информационной и финансовой). Позиция, советы, давление со стороны Запада оказывали огромное влияние на поведение политиков уже постсоветского пространства. Его политические лидеры обладали очень ограниченными возможностями для маневра, ибо под влиянием глобальных и местных СМИ сформировался могучий инстинкт либерализации и приватизации экономики, не говоря уже об использовании финансовых рычагов в виде кредитной политики и финансовой помощи.

В Литве в результате внедрения идеи массовой чековой (ваучерной) приватизации большая часть людей поверила, что они очень скоро могут стать капиталистами, не осознавая того, что в капиталистическом обществе буржуазия является меньшинством. Эти люди в то время были охвачены эйфорией приватизации. Только через некоторое время они поняли, что мгновенная приватизация без должной юридической и политической инфраструктуры превращается в скорое обогащение, подчеркиваем, части старой номенклатуры и увеличивших свою мощь криминальных структур. Лишь единицы из миллионов рядовых служащих, работников, которые получили документы сособственника народного богатства — ваучеры, разбогатели, стали частью нового класса капиталистов. Абсолютное большинство рядовых граждан как были, так и остались рядовыми работниками или оказались отброшенными на обочину сформировавшейся социально-экономической системы, превратившись в маргинальный слой безработных, бездомных и т. д.

Последствия трансформаций

Как можно было бы оценивать результаты трансформации, или, как ее еще неправильно многие называют, реформы⁴? Каков баланс этих перемен?

С одной стороны, этот процесс принес определенные позитивные изменения в жизни людей — была снята большая часть идеологических ограничений и барьеров, открылись межгосударственные границы для более свободного передвижения людей, товаров, услуг, капитала, для обмена идеями, опытом как внутри стран, так и между странами, и т. п. В ряде стран были созданы, к сожалению, в основном формальные, условия демократического управления общественными делами. В этом смысле улучшилась среда для производства как частных, так и публичных благ. Новая система

---

⁴ Понятие реформы означает прогрессивные и продуманные перемены в жизни общества, фирм, институтов. Трансформации в постсоветском пространстве не были ни должным образом продуманными, ни в полной мере прогрессивными.

в определенной мере усилила экономику и должна была ослабить антиэкономику, воспроизводившую модели неэффективности.

Однако системные преобразования в постсоветском пространстве сопровождались огромными человеческими, материальными, финансовыми, социальными потерями. В результате быстрого уменьшения совокупного экономического потенциала национальный продукт значительной части бывших социалистических стран уменьшился наполовину. Среди таких наиболее пострадавших государств оказались и Литва, и Россия. Огромный спад в сфере материального производства должен был быть, согласно доктрине шоковой терапии, временным и недолгим. После шока, который должен был оздоровить экономику, в соответствии с предположениями революционных идеологов мгновенно и активно заработал бы рынок, призванный дать толчок для экономического роста во всех сферах национальной экономики: промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг и т. д. Однако неолиберальные и либеральные предвидения не сбылись — частный сектор до сих пор не может оправиться после шоковых потрясений. Например, валовой национальный продукт Литвы в 1999 г. составил 63% от уровня ВВП, произведенного в 1989 г. Только в 2004 г. эти показатели сравнялись, т. е. был достигнут уровень 1989 г. [6]. Справедливости ради следует признать, что формально улучшилась структура экономики — увеличилась доля сферы товарных услуг в хозяйстве. Но и эта перемена имела негативную сторону: отчасти такой структурный сдвиг произошел из-за неестественного, ненормально быстрого *абсолютного* и относительно сокращения промышленности и сельского хозяйства. По данным литовской статистики, промышленность страны в 1992 г. создала продукции на сумму 5,9 млрд, а в 1994 — на 3,17 млрд литов. Соответственно, за тот же период доля промышленной продукции в ВВП сократилась с 39,4 до 23,2%. Доля сельского хозяйства за это время тоже снизилась с 11,6 до 8,1% [7]. Такие серьезные структурные сдвиги произошли за чрезвычайно короткий исторический период.

Рост безработицы был естественным результатом спада производства и структурных преобразований в экономике. Массовое банкротство предприятий, происходившее из-за разрыва многих хозяйственных связей с другими постсоветскими странами, из-за непрофессионализма новых собственников и менеджеров, среди которых было немало криминальных и полукриминальных элементов, привело к невиданной безработице, которая в 1995 г. достигла в Литве 17,1%.

Безработица, существенное уменьшение реальных доходов большинства людей привели к обнищанию части общества, а также к резкому увеличению социального неравенства. Некоторые идеологи шоковых перемен в Литве часто заявляли, что в Советском Союзе существовало значительное имущественное расслоение общества и в «светлом» несоветском будущем будет больше справедливости и меньше неравенства. Но статистика дает иную картину. Дж. Итуэлл приводит данные о том, что коэффициент Джини (Gini coefficient), по данным 1987–1988 гг. в Литве, Латвии и Эстонии, был 23, а в России 24% (уровень Скандинавских стран) [4]. За несколько лет неравенство в перечисленных странах резко увеличилось, и коэффициент Джини в 1993–1995 гг. повысился в Эстонии до 35%, в Латвии — до 31, в Литве до 37%. В России и Украине этот коэффициент поднялся соответственно до 48 и 47% и достиг тогдашнего уровня многих стран Латинской Америки [4, р. 23]. Следовательно, вместо большей справедливости в «реформированных» странах постсоветского пространства возобладала *регрессивная тенденция* изменений в социальной сфере, т. е. тенденция, которая означает

шаг назад в сторону капитализма XIX в. с его огромной имущественной дифференциацией.

Положение стран постсоветского пространства усугубила охватившая экономику инфляция, во многих случаях перераставшая в гиперинфляцию (например, в Литве в 1992 г. она достигла 1163% [8]). Это означало демонетизацию хозяйства. Быстро обесценились не только индивидуальные сбережения населения, но и денежные запасы предприятий. Деньги (в то время уже литовские временные деньги «талонас») отчасти перестали выполнять свои функции, и хозяйственные субъекты должны были перейти к чрезвычайно неэффективному бартерному обмену. От дезорганизации денежной системы пострадали все — и потерявшие свои сбережения пенсионеры, и новые предприниматели.

Небывалое распространение «теневой» практики в хозяйственной жизни — еще одна черта периода трансформации. Она имела множество форм и выражалась не только в мелких нарушениях юридических норм, что было распространено и в советской системе, но и в нелегальной приватизации, когда криминальные группы и администрации государственных предприятий применяли недозволенные приемы — физическое и психологическое давление на других участников процесса, сознательное «перемешивание» государственных и частных средств в захвате общественного имущества. В Литве до сих пор является нераскрытым тот факт, что роспуск колхозов оказался по большей части «теневым», ибо не был должным образом юридически оформлен. Смена формы собственности на огромную часть народного богатства в действительности должна была не оформляться решением правительства, как это произошло в Литве, а оставаться в компетенции парламента. Это решение можно отнести к «теневой» практике, так как оно означало ломку существовавшего юридического порядка.

«Теневые» структуры и «теневые» действия существенным образом влияли на экономическое положение страны, дестабилизируя и нарушая естественное равновесие, деформируя условия, которые раньше обеспечивали справедливость, не сводимые к юридическим нормам. Именно в результате «теневых» действий в значительной степени произошло увеличение имущественного неравенства на постсоветском пространстве. Как следствие, сектор социальных услуг деградировал, была потеряна способность граждан, отдельных групп и общин действовать солидарно во имя общего блага и общих целей обеспечения нужного количества разнообразных публичных благ в виде, например, качественной экономической информации, общественного порядка и т. п. «Теневые» действия в целом имели антиэкономический эффект, ибо затрудняли и деформировали эффективную работу экономических субъектов.

Еще одно антиэкономическое последствие революционных преобразований в постсоветском пространстве — массовая эмиграция людей. С одной стороны, более свободное трансграничное передвижение людей было позитивным следствием перемен. После исчезновения «железного занавеса» граждане получили возможность познать другие страны, оценить западный образ жизни, учиться за рубежом, заниматься международным бизнесом и т. п. С другой стороны, комплекс экономических, политических, психологических и других факторов обусловил массовый характер эмиграции в некоторых странах. Например, из Литвы эмигрировало более полумиллиона людей. Данные официальной литовской статистики показывают, что население страны с 1989 по 2011 г. уменьшилось с 3,7 млн до 3,2 млн человек [6]. Отмеченная депопуляция происходила не столько из-за негативной разницы между рождаемостью и смертно-

стью⁵, сколько из-за эмиграции. Так как эмиграция в основном затронула молодежь и активных квалифицированных людей среднего возраста, экономика страны постоянно теряла (и теряет) важную часть своего трудового потенциала почти без надежды на его возвращение. Эта потеря человеческого капитала характеризует антиэкономику. Она приводит в конечном счете к уменьшению национального богатства бывших социалистических стран и к ухудшению перспектив их экономического развития.

Трансформации в публичной сфере также были неоднозначны. Наиболее положительной чертой здесь, по нашему мнению, была свобода слова и мысли. В большинстве постсоветских стран были реализованы, по крайней мере формально, принципы свободных СМИ, свободного волеизъявления, плюрализма, многопартийности и т. д. Это можно отнести к позитивной стороне перемен. Однако в целом путь к полноценной публичной жизни этих стран стал тернистым, ибо очень сильными оказались энтропийные, дезорганизирующие режимы, производящие публичное зло. Миссией общественной сферы является производство публичных благ в виде адекватных рыночной экономике законов, макроэкономических решений, принимаемых парламентом, правительством, центральным банком и т. д. Вместе с тем, как показала практика, порочный отбор (*vicious selection*) в политической сфере приводит к тому, что наивысшие посты в публичной сфере занимают заурядные и аморальные люди, а изменения проводятся перманентно без должного понимания их смысла, а значит, и назначения. Эти процессы превращают общественную жизнь в чехарду, а экономику, особенно в публичной сфере, — в антиэкономику, воспроизводящую не публичное благо, а публичное зло.

Заключение

Трансформации в постсоветском пространстве отнюдь не были выражением «чистого» экономического, социального и политического прогресса, как, особенно на начальном этапе, почти единогласно утверждали и западные, и местные аналитики, экономисты, политологи и журналисты. В этом процессе можно обнаружить элементы прогресса и регресса, характерные черты как экономики, так и антиэкономики. Последние проявляются в виде: условий, «производящих» экономическое — публичное и частное — зло; разного рода ущерба и растрат ограниченных человеческих, материальных и других ресурсов; сокращения совокупного экономического потенциала страны.

Существенную роль в выборе направления и характера революционных преобразований сыграла индоктринация элиты и населения в целом в духе индивидуализма, который в экономике проявляется как рыночный фундаментализм. В результате индоктринации реформы приобрели асистемный, односторонний характер и негативно повлияли на жизнеспособность и эффективность публичного сектора, т. е. части экономики, производящей очень важный вид экономических благ — общественные блага. Будучи благами общего пользования, системного характера, они образуют материальную (связь, дороги и т. д.) и нематериальную (политическая власть, правовая система) инфраструктуру экономики. Неспособность общества воспроизводить эти блага ве-

---

⁵ За несколько лет трансформаций в постсоветском пространстве зафиксировано несколько миллионов «нестатистических», «сверхстатистических» смертей, т. е. смертей, которые выходят за рамки нормальной предтрансформационной статистики [9].

дет к его системным «недомоганиям», к тому, что не только публичный, но и частный сектор вынуждены функционировать в неблагоприятных условиях. Такие «недомогания» и являются, по нашему мнению, основным выражением антиэкономики в странах постсоветского пространства, которая, к сожалению, остается до сих пор вне поля зрения ученых-экономистов, историков, представителей других общественных наук, политиков, журналистов и мирового сообщества в целом.

Литература

1. *Gyls P.* Economy-Antieconomy-Underground Economy // *Ekonomika*. Vilniaus universiteto mokslo darbai. 2005. N72. P.1–11.
2. *Gyls P.* The Political Anti-economy of Transformations in CEE Countries // *Ekonomika*, Vilniaus universiteto mokslo darbai. 2008. N83. P.77–89.
3. *Гринберг Р., Рубинштейн А.* Основания смешанной экономики. М.: РАН, 2008. 480 с.
4. *Hard Budgets, Soft States / Eatwell J. and others.* London, 2000. 176 p.
5. *Klein N.* The Shock Doctrine. London: Penguin Group, 2007. 558 p.
6. Lietuvos statistikos metraštis 2011 / Lietuvos statistikos departamentas. Vilnius, 2012. 718 с.
7. Lietuvos statistikos metraštis 1995 / Lietuvos statistikos departamentas. Vilnius, 1996. 648 с.
8. Lietuvos statistikos metraštis 1994 / Lietuvos statistikos departamentas. Vilnius, 1995. 661 с.
9. *Ellman M.* The Increase in Death and Disease under Katastroika // *Cambridge Journal of Economics*. 1994. N3. P.19–27.

Статья поступила в редакцию 17 декабря 2012 г.